

Время и проблема начала мира

Моргачёв С.В.,
Журнал «Юнгианский анализ»,
Москва, Российская Федерация. Редактор рубрики.
Адрес редакции: 129366, г. Москва, ул. Ярославская, 13
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4613-597X>
baikal.s@mail.ru

Аннотация: Предметом анализа в статье является вопрос о том, предшествовала ли возникновению вселенной какая-либо модальность бытия, и если да, можно ли ей дать хотя бы первичную характеристику. Автор ставит эти вопросы в аспектах физики и когнитивистики, а также обращается к анализу древних космогоний — древнеегипетской, древнеиндийской и древнекитайской. Он приводит ряд физических и логических аргументов в пользу того, что такой модальностью является время как некая положительная сущность (актуальность), развивая тем самым свой вариант субстанциональной теории времени. С точки зрения автора, именно время как нечто квазисубстанциональное порождает материю и пространство, объединяет их в единые комплексы и тем самым, по сути, конституционализирует наш мир. Автор считает, что время имплицитно пребывает «за» вселенной в целом и «за» каждым ее объектом, как некоторое содергательное предбытие и инобытие. Он утверждает также, что время как изнаночная сторона любой «вещи» доступно сознанию в модальности целостного невербализуемого переживания (ощущения), которое является истинным знанием об этой «вещи». В этом плане фокус на «субстанции времени» позволяет выйти непосредственно на сущность объекта, на некий глубинный слой его бытия. В поддержку этого тезиса автор ссылается на суждения ряда психологов и представителей искусства, а также на традиции японской, иранской и китайской культур. Автор находит, что его концепция, в принципе, лежит в русле интуитивных прозрений, отраженных в древних космогониях.

Ключевые слова: Бытие, предбытие, время, пространство, материя, вселенная, невербальное сознание, космогонии

1. Древняя предыстория вопроса

Космогонии, принятые в различных древних религиях, не так-то просто привести к общему знаменателю, но некоторые общие принципиальные черты вычленить все же можно. И мы увидим, что они важны для заявленной темы.

В большинстве случаев древние полагали — если перевести их представления на современный язык, для начала философский (о языке физики — ниже) — что:

1) миру предшествовала некая непознаваемая для человека сущность, называемая (или не называемая) Богом-праородителем мира, о которой трудно что-либо сказать, кроме того, что она весьма неопределенна, бесструктурна, однородна, не может быть описана в категориях материи и пространства, но при этом отнюдь не пустотна и не инертна, а обладает огромным творческим потенциалом, который и дает импульс возникновению нашего мира;

2) она (эта сущность) породила два главных — и противоположных — начала, взаимодействием которых образуются все вещи мира: добро и зло, Небо и Земля, свет и тьма, дух и плоть (дуалистическая парадигма);

3) этим ее вклад в мироздание не исчерпывается, поскольку она продолжает присутствовать во всем, что есть в мире, в некотором тайном модусе.

Попробуем проследить эту предысторию мира на материале текстов, устанавливающих ту или иную традицию, с привлечением в некоторых случаях также более поздней литературы из круга наиболее авторитетной. Формат статьи не позволяет здесь дать материал широко, поэтому ограничимся тремя традициями: древнеегипетской, древнеиндийской и древнекитайской.

Таблица. Некоторые черты древних космогоний

	Свойства предбытия	Рождение двух начал	Всепроникающее присутствие
Древний Египет	«Я тот, кто появился на свет как Хепри... В то время еще не было создано небо, не существовала земля, дети земли [и] все ползающие создания еще не были сотворены. Я сам поднялся среди них из водной массы, из состояния инертности (или неподвижности). Я не нашел места, где бы я мог встать... Я положил начало... Я создал все, что имеет [материальную] форму. Я был один	«Я исторг Шу, и я исторг Тефнут, и из одного (или из единственного) бога сделался я троем, ибо два других бога воссуществовали на этой земле из меня, и подняты были Шу и Тефнут из Нуна, где находились». (Книга познаний творений Ра и низвержения Апопа, Вариант 2)	«Я претворил свою волю на этой земле, я распростерся по ней вширь». (Книга познаний творений Ра и низвержения Апопа, Вариант 2)

	(или сам по себе)». (Книга познаний творений Ра и низвержения Апопа. Вариант 1)	были... Шу и Тефнут произвели на свет Геба и Нут ¹ ». (Книга познаний творений Ра и низвержения Апопа. Вариант 1)	
Древняя Индия	«Не было не-сущего, и не было сущего тогда. Не было ни воздуха, ни небосвода, за его пределами... Не было ни смерти, ни бессмертия тогда. Не было ни признака дня (или) ночи. Дышало, не колебля воздуха, по своему закону Нечто Одно, и не было ничего другого, кроме него... В начале на него нашло желание, что было первым семенем мысли. Происхождение сущего в не-сущем открыли мудрецы размышлением, ища в сердце (своем)». (Ригведа: X – 129)	«От Праджапати ² произошло два вида существ: боги и асуры ³ ... Они боролись друг с другом за эти миры». (Брихадараньяка-упанишада: Мадху – 1 – 3 – 1)	«Тот, кто, находясь во всех существах, отличен от всех существ, кого все существа не знают, чье тело — все существа, кто изнутри правит всеми существами, — это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный». (Брихадараньяка-упанишада: Яджнявалкы – 3 – 7 – 15)
Древний Китай	«[Вся] тьма вещей Поднебесной рождается из наличия [бытия], наличие [бытия] рождается из отсутствия [бытия]... Путь-дао... подобен предку [всей] тьмы вещей... Такая вещь, как Путь-дао, лишь смутна и лишь рассеяна...	«Было доначало предназначала бытия и небытия. Небо и земля еще не разделились. Инь и ян еще не отделились... Чистое и светлое взметнулось вверх и стало Небом. Тяжелое и мутное сгустилось и стало Землей... Еще не было ни Неба, ни	«Тридцать спиц сходятся в одной ступице, отсутствие в которой [чего-либо определяет] наличие применимости у колеса... Смотря на него, не видишь и именуешь “исчезающим” ... Это называется видом отсутствующего

	<p>О укромный, о глубинный, внутри него имеется тончайшее семя... Путь-дао постоянно безымянен и [обладает] простотой бревна... Путь-дао, допускающий определение-дао, не есть постоянный Путь-дао». (Дао-дэ цзин: 1, 4, 21, 32, 40)</p>	<p>Земли, только образы, и никаких форм. Темным- темно, черным- черно, смутно, пустынно... Были два духа, одновременно рожденные. Они обозначили Небо, позабочились о Земле... Затем произвели разделение на инь и ян... Дух — принадлежность Неба, а плоть — Земли». (Хуайнаньцы: 2, 3, 7)</p>	<p>вида, образом отсутствующей вещи». (Дао-дэ цзин: 11, 14)</p>
--	--	---	---

¹ В гелиопольской космогонии Геб — бог земли, Нут — богиня неба.

² Праджапати в ведах — божество-прародитель мира.

³ В контексте данного фрагмента Брихадараньяка-упанишады боги и асуры — однозначно выразители принципов соответственно добра и зла.

Источники: Бадж У. Древний Египет: духи, идолы, боги. Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2009. Бадж У. Боги египтян: царство света, или тайны загробного мира. Пер. с англ. А.Б. Давыдовой, И.Б. Куликовой. М.: Центрполиграф, 2014. Брихадараньяка упанишада // Упанишады. В 3 книгах. Книга I. Брихадараньяка упанишада. Пер. ссанскрита А.Я. Сыркина. М.: Наука, 1992. Дао-дэ цзин. Пер. с кит. А.И. Кобзева // Вопросы философии, № 3, 2023. С. 102-131. Ригведа. Мандалы IX-X. Пер. с древнеиндийского Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999. Философы из Хуайнани. Хуайнаньцы. Пер. с кит. Л.Е. Померанцевой. М.: Мысль, 2004.

Далее нас будет интересовать, можно ли изложить эти исходные представления человечества в терминах физики, а также психологии; в какой степени такое изложение оправданно и какие выводы из этого можно сделать.

2. Физический аспект

Наш мир образован материей и пространством в их сочетании. Это утверждение очевидно и тривиально, и, казалось бы, само по себе вряд ли может служить исходной точкой какого-либо логического пути, который способен привести к приращению нашего

знания о вселенной. Но мы попробуем разыграть этот, как сказали бы шахматисты, хорошо изученный малофигурный эндшпиль заново.

Во-первых, сам факт соединения материи и пространства — а мы знаем их только в соединении — далеко не тривиален, хотя мы привыкли воспринимать его как что-то само собой разумеющееся. Это две разные физические сущности, и они могли бы и не соединяться. А если они соединяются (и взаимодействуют, как известно из ОТО) — значит, у них есть что-то общее, какой-то общий аспект бытия. Этот аспект — *общность момента времени*. Для любого объекта, любой конфигурации объектов пространство и материя даны так, как они существуют в определенный, один и тот же, момент времени (относительно некоторого наблюдателя). Эта принадлежность определенному состоянию времени является тем, что их связывает, и тем, что позволяет реальности представать в том виде, который нам привычен.

Во-вторых, эта связующая функция времени, взятого как его определенное состояние (момент), указывает на то, что время есть некий *квазифизический агент*, некоторая *положительная сущность и актуальность*, то есть определенный, в широком смысле, *объект*, а не только концепт, указывающий на изменение и развитие.

Действительно, быть медиатором со-бытия материи и пространства время может только при условии, что оно, как минимум, существует в положительном смысле, как нечто квазисубстанциональное: если А и В соединяются друг с другом через С, то это С должно иметься в наличии. Если же время — только мера процессов, то «иметься в наличии» оно не может, поскольку собственным бытием, в указанном смысле, не обладает.

В-третьих, если состояние материи и пространства в некотором объекте определяется (и описывается) состоянием времени (а оно определяется, поскольку для другого момента времени этого объекта состояние материи и пространства будет другим), то это может быть интерпретировано таким образом, что это состояние времени их и порождает. Таким образом, время как некоторая сущность (которую можно было бы назвать субстанцией, если бы мы не знали, что она не описывается в категориях пространства и материи) и является тем, что стоит за образом иномирного *нечто*, которое предшествовало миру. А если это так, время получает статус базовой категории, которая не описывается ни через что другое. Наоборот, все остальное описывается через нее.

В-четвертых — и здесь мы возвращаемся на минуту к древним космогониям, — материя является, в самых разных культурах, метафорой всего плотского, земли, а также мирового зла, а пространство — образом свободы от уз плоти, метафорой света, неба и блага. Поэтому, если время порождает материю и пространство, не удивительно, что в древних мифах первоначальная сущность порождает упомянутые добро и зло.

Среди этих мифов существовал и такой, который буквально следует схеме «добро и зло порождаются Богом времени». Это миф о Боге времени Зерване (Зурване), бытовавший в Передней Азии еще до зороастризма:

«*В начале, когда не существовало ничего: ни неба, ни земли, ни каких-либо тварей на небе или на земле, — во вселенной уже был и царил вечный изначальный Зерван (Зуруан), бог*

судьбы и времени... Зерван решил родить сына, бога-Творца, который создаст небо и землю и все, что есть на них... Когда Зерван узнал, что у него будет два сына, а не один, он решил, что отдаст власть над миром тому из них, кто родится первым, и поклялся в этом нерушимой клятвой... Первым должен был родиться Ахура Мазда¹ — ему и предназначалось сделаться владыкой мира. Но Анхро Майнью решил, что наперекор судьбе владыкой будет он. Он разорвал чрево, вышел наружу и явил свое отвратительное обличье своему отцу Зервану...» (Рак, 1998:117-118)

В-пятых, время, конечно, незримо присутствует во всем материально-пространственном континууме мира, в каждой его точке и каждом объекте, — что, опять же, хорошо согласуется с древней идеей всепроникающего мирового начала.

В-шестых, время как некоторая актуальность (условная субстанция) бесструктурно, однородно и цельно: если бы это было не так, оно не могло бы существовать как собственно «момент» (а существовало бы тогда как некая мешаница моментов). Это значит, что время содержит информацию о мире в некотором особом свернутом виде — как нечто единичное, обладающее способностью развертываться в сложное и множественное. Заметим, что идея простоты, бесструктурности предбытия тоже тянется еще из древности.

Далее мы рассмотрим идею времени, как свернутого состояния бытия, в его человеческом измерении.

3. Психический аспект

Что стоит за понятием «момент времени», которое в нашем анализе пока остается довольно туманным? Возможно, мы сможем продвинуться в его прояснении, если обратимся к тому, как этот «момент» проявляет себя в восприятии и переживании.

Переживание дает характеристику ситуации в ее моментальном срезе, причем, что важно, в редуцированном к единичному виде. Вся реальность, включая малейшие детали, переживается как нечто цельное, как некий моно-отпечаток бытия в сознании. Это можно проверить в опыте: если спросить себя, что, в конечном счете, на самом глубинном уровне, представляет собой отклик моего сознания на ситуацию, переживаемую в данный момент, включая ее физические и психические аспекты, выясняется, что этот отклик является неким невербализуемым однородным ощущением, некоторым «ммм». Отклик на другую ситуацию — даже ту, которая сложится, допустим, через несколько минут — будет уже другим «ммм».

Возможно, кто-то скажет, что это не более чем личный модус восприятия мира, свойственный автору. Но это не так.

Обратимся к наследию Л.С. Выготского, который писал:

«Переживание есть единица, в которой в неразложимом виде представлена, с одной стороны, среда, то, что переживается, — переживание всегда относится к чему-то,

¹ Ахура Мазда — в зорванизме и зороастризме бог света и добра.

находящемуся вне человека, — с другой стороны, представлено то, как я переживаю это» (Выготский, 2001: 75).

Этот же вектор осмыслиения переживания был характерен для американского психотерапевта Юджина Джендлина, развивавшего теорию «осозаемого чувства (felt sense):

«Осязаемое чувство представляет собой телесное ощущение конкретной проблемы или ситуации. Осязаемое чувство — не эмоция... [Оно] неразличимо сразу — оно смутно и неясно. Это сознание тела... Осязаемое чувство является не ментальным, но физическим опытом... Это телесное знание о ситуации, человеке или событии. Внутренняя аура, окутывающая все, что вы знаете о предмете в данный момент, и сообщающая вам это как единое целое, а не в деталях... Большое, сильное неясное чувство... [Оно] не приобретает форму мыслей или слов или каких-то других отдельных элементов, но передается как одно... телесное ощущение» (Джендлин, 2013: 43–44, 83).

Я полагаю, что сведение Юджином Джендлином глубинного переживания только к телесному опыту было необоснованным, — здесь надо говорить скорее о целостной реакции всего человеческого существа.

К аналогичным заключениям приходит психолог Елена Лупенко в своей диссертации, защищенной в 2008 г. в Институте психологии РАН. По результатам экспериментов в области синестезии² ею были сделаны выводы:

1) о существовании «генетически первичного, базового, глубинного, амодального уровня категоризации (амодального кода), ... большинство категорий [которого] пребывает на неосознанном уровне, они не вербализованы, и их психологическая реальность обнаруживается лишь в процессе психосемантических экспериментов и, как некий результат осмыслиения, в огромном количестве метафорических сравнений» (Лупенко, 2008: 45);

и

2) о том, что «в основе переживания субъективного сходства объектов разной модальности (интермодальной общности ощущений) лежат модально-неспецифические процессы, связанные с глубинным, эмоционально-насыщенным и генетически более ранним уровнем категоризации» (там же: 51–52).

Попробуем сделать еще один шаг и попытаться определить, что именно переживается в упомянутой целостной реакции. Интроспективный анализ позволяет прийти к заключению, что переживается некоторая плотность, в смысле мера плотности, момента времени или его напряженность. Вектор ощущения указывает на то, что речь идет о понятиях этого

² Исследовалось восприятие испытуемыми форм (геометрических фигур) и цветов. На первом этапе выявлялось представление о наличии/отсутствии «гармонии» между определенными фигурами и определенными цветами. Оно получало количественную оценку. На втором оценивалось «место» фигур и цветов на 15 семантических шкалах (типа «приятный — неприятный», «простой — сложный», «активный — пассивный» и т. д.). На третьем выявлялась корреляция между оценками фигур и цветов по этим шкалам. И на четвертом исследовалась степень совпадения высоких корреляций (по предыдущему этапу) и «гармоничных» сочетаний цветов и фигур. Эта степень оказалась высока. Таким образом, непосредственные соответствия между двумя рядами ощущений (как это бывает при синестезии) поверялись опосредованными (сделанными другим путем, без непосредственного «контакта» между этими рядами).

круга. Как если бы время было, скажем, полем — хотя быть им, в нашем понимании, оно не может, поскольку не описывается в терминах материи и пространства.

Интересно, что единственный (известный мне) человек, который произнес слова «напряженность времени», нашелся не среди философов или психологов, а среди людей искусства. Этот был Андрей Тарковский.

4. «Напряженность времени» и «правда об объекте»

В книге «Запечатленное время» Тарковский приводит ключевой эпизод работы над фильмом «Зеркало»:

«Существовало около двадцати с лишним вариантов монтажа картины... Моментами казалось, что картина уже вовсе не смонтируется... Картина не держалась, не желала вставать на ноги, рассыпалась на глазах, в ней не было никакой целостности, никакой внутренней обязательной связи, никакой логики. И вдруг, в один прекрасный день, когда я с трудом изобрел еще одну возможность сделать еще одну последнюю отчаянную перестановку, — картина возникла. Материал ожил, части фильма начали функционировать взаимосвязанно, точно соединенные единой кровеносной системой... Я еще долго после этого не мог поверить в это чудо — что картина склеилась... Было ясно, что соединение частей зависело от внутреннего состояния материала... Для того чтобы соединение произошло, было органичным и оправданным, нужно было ощутить смысл, принцип внутренней жизни снятых кусков. И когда это, слава Богу, произошло — какое же облегчение мы все испытали! В «Зеркале» сочленялось само время, протекающее в кадре» (Тарковский, 2002: 227–228).

Далее он концептуализирует свои ощущения относительно времени в кадре в следующих категориях:

«Именно время, запечатленное в кадре, диктует режиссеру тот или иной принцип монтажа, а, как говорится, «не монтируются», то есть плохо склеиваются, те куски, в которых зафиксировано принципиально разное существование времени. Так, например, реальное время не может смонтироваться с условным, как невозможно соединить водопроводные трубы разного диаметра. Эту консистенцию времени, протекающего в кадре, его напряженность или, наоборот, «разжиженность» — назовем, ну, что ли, давлением времени в кадре. (Выделено мной. — С. М.) Тогда монтаж явится способом соединения кусков с учетом давления в них времени. Единство ощущения в разных кадрах может быть вызвано единством давления, напора, определяющих ритм картины» (Тарковский, 2002: 228).

Итак, согласно Тарковскому, времени свойственна «консистенция», а последней — «напряженность». Эта напряженность характеризует происходящее в кадре предельно существенным образом и передает самое важное — «правду» (выражение режиссера) о том, что происходит, — естественно, в том ее модусе, в котором она представляется наблюдателю, то есть, в данном случае, автору фильма (эта оговорка принадлежит не мне, а Тарковскому). Причем эта правда существует в виде некоторого непосредственного,

нерасчленимого, цельного переживания, в связи с чем «довольно широко распространившееся отношение к фильму как к знаковой системе» кажется Тарковскому «глубоко и принципиально ошибочным». И эту-то правду он считает необходимым поведать миру, в чем видит свою миссию (Тарковский, 2002: 228, 296, 308).

Фокус на «субстанции времени» позволяет выйти непосредственно на сущность объекта, на некий глубинный нерв его бытия. Так считал Тарковский. Но он был первопроходцем только в том, что связал тему *правды* о вещах с понятием времени; что же касается утверждения о том, что она, эта *правда*, существует — как некое непосредственное, целостное моно-знание (доступное человеку, наблюдающему свой мир из его центра), — то в этом утверждении он далеко не одинок.

«Каждому человеку Всевышняя определила свою тональность — и Каспер умел ее слышать. Лучше всего ему это удавалось в то краткое беззащитное мгновение, когда, оказавшись поблизости, люди еще не знали, что он вслушивается в них». Этими словами начинается роман Питера Хёга «Тишина».

Мышление в категориях «тональностей объектов» свойственно традиционной японской культуре, где существует идея *макото* — подлинной природы вещей, которая невидима и неслышима, но, однако, может быть каким-то образом воспринята, и в этом-то восприятии и состоит миссия человека искусства — художника, писателя. «Сам писатель, — указывала специалист по японской культуре Т.П. Григорьева, — будто безучастен, не действует... лишь повинуется внутреннему зову вещей. Почему первые японские повести были названы моногатари?.. Моногатари — «говорят вещи», что значит — мир выражает себя через человека, призванного передать его беззвучный голос» (Григорьева, 1979: 197).

Исследователь иранской культуры Ш.М. Шукров называет свойство, которым обладает вещь, в том числе произведение искусства, в целостном невербализируемом восприятии, «отложенным» или «отдаленным» смыслом. В этом он солидарен с иранской традицией.

«*Отдаленный смысл и есть та сила, которой обладает искусство и вся культура, стоящая за ним...*», — пишет он. — Мы говорим о силе смысла, и этот смысл должен восприниматься не в семиотическом понимании (вспомним такую же реплику у Тарковского. — С. М.), а, скорее, в феноменологическом. *Отложенный смысл — это отдаленный смысл..., смысл истинного бытия вещи... Отложенный смысл назначен не для понимания, а ... для прозревания немногих знающих*».

Он справедливо указывает также, что «вещь как таковая опережает свое же вербальное тело» (Шукров, 2016: 52, 123, 125).

Подобные же представления существовали в Китае еще до нашей эры — здесь можно сослаться на источник «Люйши чуньцю» (III в. до н. э.), в котором речь идет о том, что каждое явление имеет качество, которое может быть измерено, и ему соответствует определенный музыкальный тон («теория космического резонанса») (Ткаченко, 2008: 95–99).

Подведем итог. Есть основания полагать, что миру предшествует некая скрытая от физического исследования — но доступная сознанию — сущность, которую можно связать со временем как некоторой *актуальностью*, ипостасью предбытия. Она (эта сущность) порождает вещи в их материально-пространственной определенности и незримо в них пребывает.

Литература

1. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979.
2. Выготский Л.С. Лекции по педагогии. Ижевск: Удмуртский университет, 2001.
3. Джендин Ю.Т. Фокусинг. Пер. с англ. С.М. Богданова. М.: Эксмо, 2013.
4. Коран. Перевод с арабск. М.- Н.О. Османова. М.: Ладомир, 1999.
5. Лупенко Е.А. Психологическая природа интермодальной общности ощущений. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Москва: Институт психологии РАН, 2008.
6. Рак И.В. Миры Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.-М.: Журнал «Нева» — Летний Сад, 1998.
7. Тарковский А.А. Запечатленное время // Волкова П.Д. Андрей Тарковский: архивы, документы, воспоминания. М.: Подкова, Эксмо-пресс, 2002. С. 95–350.
8. Ткаченко Г.А. Избранные труды. Китайская космология и антропология. М.: Говорящая книга, 2008.
9. Шукров Ш.М. Хорасан. Территория искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2016.

References

1. Grigor'eva T.P. (1979) Yaponskaya hudozhestvennaya tradiciya. Moscow: Nauka. [Grigorjeva T.P. (1979) The art tradition of Japan. Moscow: Nauka.]
2. Vygotskij L.S. (2001) Lekcii po pedologii. Izhevsk: Udmurtskij universitet. [Vygotskij L.S. (2001) The lectures on pedology. Izhevsk, The University of Udmurtia.]
3. Gendlin E.T. (2013) Focusing. Moscow: Eksmo. [Gendlin E.T. (2013) Focusing. Moscow: Eksmo.]
4. Koran (1999). Per. M.-N.O. Osmanova. Moscow: Ladamir. [The Koran (1999) Transl. by M.-N.O. Osmanov. Moscow: Ladamir.]
5. Lupenko E.A. (2008) Psihologicheskaya priroda intermodal'noj obshhnosti oshushchenij. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psihologicheskikh nauk. Moskva: Institut psichologii RAN. [Lupenko E.A. (2008) Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of psychology. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.]
6. Rak I.V. (1998) Mify Drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm). St.-Petersburg. — Moscow: Zhurnal «Neva» — Letnij Sad. [Rak I.V. (1998) The myths of ancient and early-medieval Iran (Mazdaism). St. Petersburg — Moscow: «Neva» Journal — Letnij Sad.]

7. Tarkovskij A.A. (2002) Zapechatlennoe vremya // Volkova P.D. Andrej Tarkovskij: arhivy, dokumenty, vospominaniya. Moscow.: Podkova, Eksmo-press. P. 95–350. [Tarkovskij A.A. (2002) The captured time // Volkova P.D. Andrej Tarkovskij: archives, documents, recollections. Moscow: Podkova, Eksmo-press. P. 95–350.]
8. Tkachenko G.A. (2008) Izbrannye trudy. Kitajskaya kosmologiya i antropologiya. Moscow: Govoryashchaya kniga. [Tkachenko G.A. (2008) Choice selection. Chinese cosmology and anthropology. Moscow: Govoryashchaya kniga.]
9. Shukurov Sh.M. (2016) Horasan. Territoriya iskusstva. Moscow: Progress-Tradiciya. [Shukurov Sh.M. Horasan. (2016) The territory of art. Moscow: Progress-Tradiciya.]

Time and the problem of the beginning of the world

Morgachev S.V.,
«Jungian analysis» journal,
Moscow, Russian Federation. Column editor.
Journal address: Jaroslavskaja 13, Moscow, 129366
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4613-597X>
baikal.s@mail.ru

Abstract: The article suggests, as its subject matter, the problem of pre-existence of the world: whether there had been any, before the beginning of the Universe, and if the answer is yes, what can we say about it, at least in some initial terms. The author is approaching this question in contexts of physics and cognitive science, addressing also ancient cosmogonies: Egyptian, Indian and Chinese ones. He suggests a number of physical and logical reasons in support of his thesis, which assumes that the role of the pre-existence modality is played by time, as a sort of fundamental nature, and not only as a concept pointing to change and development. Thus, author suggests his variant of substantive theory of time. From the author's point of view, time is a sort of substance (not expressed in matter and space), which is present behind all the things of the world, including the Universe itself. He also points that time, as a pre-existence modality of all the objects, can be experienced as a kind of ultimate knowledge about every specific thing, in the form of undifferentiated inner sense. Supporting this thesis, author points at some assertions of psychologists and representatives of art, so as at traditions of Japanese and Iranian culture. Author finds out that his conception corresponds well with intuitive guesswork reflected in ancient cosmogonies.

Keywords: Existence, pre-existence, time, space, matter, Universe, non-verbal cognition, felt sense, cosmogonies